

классового самосознания пролетариата. Так, в Германии он не становится на очередь уже со времен не всегда умелого «дирижера» Швейцера².

Казалось бы, что при «громадном» оркестре из одной скрипки и одного контрабаса (а в глазах некоторых товарищей, признаться, «идеальная» партия все больше начинает принимать такие «громадные» размеры) не требуется особого «дирижера». А между тем логика кружковщины непременно повела бы к тому, что чем более партия приблизилась бы к таким «идеальным» размерам, тем вопрос о «палочке» (или, что то же, вопрос о месте на «полочке») стал бы казаться важным. Мы обязаны принять все меры к тому, чтобы вопрос о том, кому махать этой палочкой, не делал нас упрямыми, прямолинейными, близорукими, узкими, подозрительными, неуживчивыми, а потому решительно неспособными к участию в оркестре, несколько превышающем своими размерами колоссальный оркестр из нежной скрипки и сердитого контрабаса.

В заключение мы решительно и с полным убеждением скажем, что в настоящее время мы не можем себе представить такие расколы в нашей партии, которые заслуживали бы название неизбежных. Совершенно напротив: *единство вполне возможно* теперь и именно потому оно *безусловно обязательно*. Именно в этом и заключается главная мысль нашей статьи, вызвавшей такие лестные отзывы со стороны уважаемого товарища Ленина.

О нашей тактике по отношению к борьбе либеральной буржуазии с царизмом (Письмо к Центральному Комитету)

Дорогие товарищи!

Я потому пишу это письмо, что считаю себя обязанным выступить на защиту той тактики, которую рекомендовала «Искра» ввиду происходящей теперь земской кампании.

Когда началась эта кампания, в наших рядах стали раздаваться громкие сожаления, — мне самому пришлось выслушивать эти сожаления, — о том, что революция, прологом которой она является,

будет иметь *буржуазный* характер. Это — неосновательные сожаления. Они были бы уместны только в устах наших *народников*, боявшихся *торжества капитализма*, или в устах тех «*истинных*» *немецких социалистов* сороковых годов, над которыми так зло смеялся «Манифест Коммунистической Партии»¹. Вы помните, конечно, относящуюся сюда едкую страницу Манифеста? Вот она. «Этот немецкий социализм, так громко кричавший о своих жалких схоластических измышлениях, лишился, однако, мало-помалу своей педантической невинности. Борьба немецкой и особенно крупной буржуазии против феодалов и королевского абсолютизма, словом, либеральное движение приняло более значительные размеры, и “истинному” социалисту представился, таким образом, желанный случай противопоставить политическому движению социалистические требования, расточать традиционные проклятия либерализму, представительному правлению, буржуазной конкуренции, буржуазной свободе слова, буржуазной свободе и буржуазному равенству и проповедовать народной массе, что в этом буржуазном движении она ничего не может выиграть, но, скорее, рискует все потерять... Немецким абсолютным правительствам со всей их сворой попов, школьных учителей, помещиков и бюрократов, он (истинный социализм) служил очень удобным пугалом против грозно выступавшей буржуазии. Он представлял собою слащавое дополнение к горьким расправам посредством плетей и розог, которыми те же самые правительства отвечали на восстания рабочих».

Кто считает себя последователем Маркса и в то же время уподобляется нашим народникам или блаженной памяти «истинным» немецким социалистам, противопоставляя *политическому* движению *социалистические* требования, тот как нельзя более ясно показывает, что ему осталась неизвестной даже *азбука марксизма*.

Буржуазная революция впервые создаст у нас те общественно-политические условия, при которых только и можно будет серьезно задумываться о социальной революции пролетариата. «Развитие условий существования многочисленного, сильного, концентрированного и сознательного пролетариата идет рука об руку с развитием условий существования сильной, концентрированной и влиятельной буржуазии», — говорит Маркс в своей книге «*Revolution und Kontrerevolution in Deutschland*»². Если смешно было плакать о *развитии* у нас капитализма, то еще

более смешно огорчаться тем, что это развитие не остается бесплодным в *политическом отношении* и обещает, наконец, привести к падению царского самодержавия. Нам нужно радоваться тому, что России предстоит пережить буржуазную революцию, и стараться придать этой революции возможно более широкий размах, а неизбежному и необходимому участию в ней пролетариата сообщить возможно более *сознательный характер*. К этому сводится, к этому должен быть сведен основной вопрос нынешней тактики нашей партии.

К сожалению, этот вопрос очень неправильно разрешается даже многими из тех, которые понимают, что поставить его необходимо. Так, например, Ленин обрушился на «новую» редакцию «Искры» с целым рядом упреков за то, что она решает указанный вопрос будто бы в смысле оппортунизма. Но в том-то и дело, что в решении, предложенном новой редакцией, оппортунизма нет и тени.

Ленин очень охотно противопоставляет «новую» редакцию «Искры» *старой*. Старая редакция шла по правильному пути, а новая попала в оппортунистическое болото. Чем отличается новая редакция «Искры» от старой? Только тем, что в ней нет Ленина. Выходит, стало быть, что только Ленин мог спасти «Искру» *от вредного влияния оппортунизма* и что *там плохо, где его нет*. Это, конечно, очень лестно для Ленина, но... посмотрим «по какому случаю шум». С этой целью мы сравним «старого» Ленина с «новым» Лениным, сопоставим брошюру «Что делать?» с листовкой «Земская кампания и план “Искры”».

На страницах 51 и 52 первой из названных двух брошюр мы находим следующие интересные строки: «Сознание рабочих масс не может быть истинно-классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать *каждый* из других общественных классов во всех проявлениях умственной, нравственной, политической жизни этих классов; — не научатся применять на практике материалистическую оценку *всех* сторон деятельности и жизни *всех* классов, слоев и групп населения. Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же, — тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических, вернее даже сказать: не столько теоретических, сколько на опыте

политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении всех классов современного общества».

Итак, рабочему классу нужен опыт политической жизни, выясняющий ему «взаимоотношение» всех классов современного общества; и тот не социал-демократ, кто мешает рабочему приобрести такой опыт. Это верно, хотя и выражено крайне угловато. Но в чем же состоит такой опыт? Неужели в чтении тех «*политических обличений*», по поводу которых Ленин вел спор с Мартыновым и при защите которых он в своей брошюре «Что делать?» вдавался подчас в довольно-таки забавные крайности? Неужели деятельное участие рабочего класса в борьбе с абсолютизмом, — *которая будет успешной только в том случае, если станет общенародной*, — не в состоянии дать этому классу нечто гораздо более веское и убедительное в смысле *опыта*, нежели чтение, — хотя бы самое усердное чтение, — обличительной литературы? Маркс говорит, что в Германии одним из самых важных результатов участия рабочих в событиях 1848–1849 гг. было разочарование пролетариата в буржуазной демократии. Это разочарование было, — замечу я от себя, — далеко не полным, как это показало впоследствии то отчасти равнодушное, отчасти недоверчивое отношение, которое встретил со стороны рабочих Лассаль³ в начале своей агитации. Но поскольку такое разочарование существовало, оно в самом деле было одним из важнейших исторических результатов *опыта* указанной эпохи, одним из драгоценнейших политических приобретений германского пролетариата. И если бы тот способ действий, который рекомендует теперь рабочему классу «новая» редакция «Искры», дал ему одну только возможность сделать это приобретение, — а я уверен, что он даст ему не одну *только эту возможность*, — то и тогда к нему нужно было бы отнестись с полным одобрением: ведь мера разочарования пролетариата в буржуазном либерализме и в буржуазной демократии является мерой его собственной политической зрелости. Какой же способ действий рекомендуем мы в данном случае российскому пролетариату? По существу тот самый способ, который был указан «Коммунистическим Манифестом» в словах: «Коммунистическая партия идет рядом с буржуазией, поскольку эта последняя является революционной в борьбе своей против абсолютной монархии, против феодальной поземельной собственности и мелкого мещанства». Мы не рекомендовали ничего другого, *и тот не социал-демократ,*

кто, — подобно новому Ленину, — стремится совратить с этого пути Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию!

Пойдем дальше. На странице 59 той же брошюры Ленина говорится: «Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему классу только *извне*, т. е. извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами. Поэтому на вопрос: “Что делать, чтобы принести рабочим политическое знание?” нельзя давать один только тот ответ, которым в большинстве случаев довольствуются практики, не говоря уже о практиках, склонных к экономизму, именно ответ: “Иди к рабочим!”. Чтобы принести *рабочим* политическое знание, социал-демократы должны идти во *все классы населения*, должны рассылать во все стороны отряды своей армии».

Известно, какую массу недоразумений вызвала ленинская мысль о том, что классовое политическое сознание может быть принесено рабочему «только извне». Я посвятил оценке этой мысли целых два фельетона в №№ 71, 72 «Искры» и потому не стану заниматься ею здесь. Я отмечу только одно: *старый* Ленин советовал социал-демократам «идти во все классы населения», «рассылать во все стороны отряды своей армии», а *новый* Ленин жестоко противоречит ему, нападая на «новую» редакцию «Искры» за то, что она посоветовала нашей партии посылать «отряды рабочей армии», между прочим, и в земские собрания, более или менее недовольные царизмом.

Новый Ленин сам чувствует, что здесь он противоречит *старому* и усиливается разрешить это противоречие таким образом:

«Когда либералы выступили с самостоятельным органом и с особой политической программой, — говорит он, — задача воздействия пролетариата на “общество”, естественно, изменилась: рабочая демократия не могла уже ограничиваться “встряхиванием” либеральной демократии, расшевеливанием ее оппозиционного духа, она должна была поставить во главу угла революционную критику той половинчатости, которая ясно обнаружилась в политической позиции либерализма. Наше воздействие на либеральные слои приняло форму постоянных указаний на непоследовательность и недостаточность политического протеста гг. либералов (достаточно

сослаться на “Зарю”, критиковавшую предисловие г. Струве⁴ к “Записке Витте”⁵, и на многочисленные статьи в “Искре”»).

Это было бы очень хорошо, если бы... не было из рук вон плохо. Статья Ленина, критикующая предисловие г. Струве, появилась во 2–3-й книжке «Зари», вышедшей в декабре 1901 года, *написана* же она была, эта статья, месяца за четыре до выхода названной книжки. А брошюра «Что делать?» появилась со всеми своими советами насчет хождения во все классы и т. п. — только в 1902 г. Ее предисловие помечено февралем этого года. Стало быть, несомненная «половинчатость» г. Струве не помешала «старому» Ленину твердо держаться того убеждения, что «тот не социал-демократ, кто» и т. д.; стало быть, эта несомненная «половинчатость» совсем не примиряет «нового» Ленина со «старым»; стало быть, вовсе не достаточно сослаться на «Зарю», критиковавшую предисловие г. Струве к «Записке Витте» и т. д.

Столь же мало «достаточна» и ссылка на многочисленные статьи «Искры»: так, например, в своей статье, напечатанной в № 16 нашего органа, Ленин говорит: «Партия пролетариата должна уметь ловить всякого либерала как раз в тот момент, когда он собрался подвинуться на вершок, и заставляя его двинуться на аршин!» Этот номер «Искры» вышел тоже в феврале 1902 г., т. е. опять-таки *уже после того*, как Ленин ополчился на «половинчатого» г. П. Струве. Стало быть, и эта, очень характерная для *старого* Ленина, статья ясно показывает, что вовсе не половинчатостью г. П. Струве приходится объяснять тот факт, что листовка «Земская кампания и план “Искры”» бьет, — как выражаются немцы, — по лицу брошюру «Что делать?»

Я уже не говорю о том, что «половинчатость» представляемой г. П. Струве либеральной оппозиции никоим образом не могла быть неожиданной для нас и, следовательно, не могла повлиять сколько-нибудь решительным образом на наше отношение к «обществу» и на наше мнение о том, должны ли мы, и как именно должны, «обращаться» к нему. «Половинчатость» будущей нашей либеральной оппозиции легко можно было предвидеть уже на основании той «критики», которою тот же самый г. Струве занимался задолго до своего выступления на политическое поприще. Или, может быть, «старому» Ленину, не «достаточно» было этих «критических» упражнений для составления себе ясного понятия о том, что может представлять собою наша политическая

оппозиция? Пожалуй, что так. Я помню, что не далее, как летом 1900 года, т. е. когда г. П. Струве уже во всем блеске обнаружил свой «критический» талант, Ленин непременно желал иметь этого «критика» в числе сотрудников «Зари». Мне пришлось много спорить с ним для того, чтобы заставить его отказаться от этого, крайне изумившего и огорчившего меня, желания.

Согласно своему неизменному обыкновению, Ленин и здесь рассуждает по той формуле: «да — да, нет — нет, что сверх того, то от лукавого», которую Энгельс в своем опоре с Дюрингом⁶ выставляет как образец *метафизического мышления*. По Ленину выходит, что мы можем *или* расталкивать буржуазную оппозицию, *или* обнаруживать ее половинчатость. Марксисты рассуждают иначе: их тактика умеет *соединить расталкивание с разоблачением*. Еще «Коммунистический Манифест» писал, что хотя коммунисты идут рядом с буржуазией, поскольку она является революционной в борьбе против абсолютной монархии, но в *то же время* они ни на минуту не перестают «вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата». Очевидно, — даже по смыслу вышеприведенной цитаты из «Что делать?», — что выработка такого сознания невозможна без разоблачения либеральной половинчатости, которая обуславливается именно характером *экономического отношения* этого класса к *пролетариату*, именно тем обстоятельством, что его интересы непримиримы с интересами рабочих.

Пойдем еще дальше. Вдумайтесь в нижеследующие строки: «Мы должны также уметь устраивать собрания с представителями всех и всяческих классов населения, какие только хотят слушать *демократа*» («Что делать?», стр. 62).

«Понятно само собою, что мы не можем руководить борьбой студентов, либералов и пр. за их “ближайшие интересы”, но ведь не об этом же была речь... Речь шла о возможном и необходимом участии разных общественных слоев в низвержении самодержавия, а *этой* “активной деятельностью разных оппозиционных слоев” мы не только *можем*, но и непременно *должны* руководить, если хотим быть “авангардом”. О том, чтобы наши студенты, наши либералы и пр. “сталкивались лицом к лицу с нашим политическим режимом”, позаботятся не только они сами, — об этом прежде всего и больше всего позаботится сама полиция, сами чиновники

самодержавного правительства. Но “мы”, если мы хотим быть передовыми демократами, должны позаботиться о том, чтобы *наталкивать* людей, недовольных, собственно, только университетскими или только земскими и т. п. порядками, на мысль о негодности всего политического порядка. *Мы* должны взять на себя организовать такую (всестороннюю политическую борьбу под руководством *нашей* партии, чтобы посильную помощь этой борьбе и этой партии могли оказывать, и действительно стали оказывать, все и всяческие оппозиционные слои. *Мы* должны выработать из практиков социал-демократов таких политических вождей, которые бы умели руководить всеми проявлениями этой всесторонней борьбы, умели в нужную минуту продиктовать “положительную программу действий” и волнуемым студентам, и недовольным земцам, и возмущенным сектантам, и обиженным народным учителям, и пр., и пр.» (стр. 64–65).

Теперь сопоставьте эти строки с тем, что пишет Ленин в листовке «Земская кампания и план “Искры”», и у вас получится следующий вывод: если мы хотим быть передовыми демократами, то мы должны «*наталкивать*» людей, недовольных, собственно, только земскими порядками, на мысль о негодности всего политического порядка; но когда эти «*натолкнутые*» нами недовольные люди вздумают бороться «со всем политическим порядком», то с нашей стороны будет оппортунизм, если мы вздумаем «*наталкивать*» их, в интересах рабочего класса, на более демократические требования. Поразительная логика! Глубокая политическая мудрость! Это еще не все.

Мы должны взять на себя задачу организовать всестороннюю политическую борьбу под руководством нашей партии и стараться *заставить* «все и всякие оппозиционные слои» *помогать нам в борьбе с царизмом*; но когда *земский* «оппозиционный слой» придет в движение, мы окажемся оппортунистами и чуть не изменниками, если захотим *заставить* этот элемент содействовать пролетариату в его борьбе с царизмом. Еще раз: удивительная логика!.. Непостижимая ортодоксальность!

Но и это еще не все.

Мы должны выработать из наших практиков таких политических вождей, которые умели бы в нужную минуту продиктовать положительную программу действий недовольным земцам; а когда мы посоветуем нашим практикам позаботиться о том, чтобы рядом

внушительных демонстраций напомнить «недовольным земцам» о политической программе пролетариата, против нас будет выдвинуто обвинение в оппортунизме, и Ленин на все голоса закричит: «Караул!» «Измена!» Чудеса, да и только!

Мне, разумеется, и в голову не приходит защищать все положения, высказанные Лениным в его брошюре «Что делать?»; я очень далек также от мысли отстаивать все те положения, которые заключаются в сделанных мною выписках. Но поскольку в основе всех этих положений лежит то коренное правило, которое было высказано еще в «Манифесте Коммунистической Партии» и которое гласит, что мы обязаны поддерживать «всякое революционное движение против существующих общественных и политических отношений», — постольку я согласен со *старым* Лениным и постольку я сожалею о том, что *новый* Ленин сжег почти все, чему тот поклонялся, и поклонился почти всему, что тот сжигал.

Предлагая свой «план», новая редакция «Искры» руководствовалась теми основными положениями тактики международной революционной социал-демократии, которые были выработаны еще в то время, когда мы с Лениным и г. П. Струве ее родились еще на свет божий, и о которых Ф. Энгельс говорил, что он в течение всей своей жизни не имел ни одного повода к тому, чтобы усомниться в их правильности. Основываясь на этих положениях, тот же Энгельс писал к Турати⁷ в январе 1894 года, — когда в Италии можно было ожидать революционного взрыва, — следующие многозначительные слова:

«Победа подготовляющегося теперь революционного движения* может, стало быть, только усилить нас и создать более благоприятную для нас *окружающую* среду. Мы совершили бы величайшую из ошибок, если бы, ввиду этого, мы, в своем отношении к “родственным” партиям, захотели ограничиться чисто отрицательной критикой».

Но именно эту величайшую изо всех ошибок и советует нам совершить Ленин во имя Энгельса, во имя Маркса, во имя самого Ленина и во имя всей вообще марксистской ортодоксии. Кто же, наконец, прав: Энгельс или Ленин? И не пора ли заподозрить в оппортунизме знаменитого автора «Анти-Дюринга»?

* Перед этим Энгельс показывает, что движение это еще *не может быть социалистическим*.

В «кампании», начатой новым Лениным против новой редакции «Искры», немалую роль играет его, будто бы революционный, смех по поводу того, что эта редакция не хочет *запугивать* никого из оппозиционных противников царизма. Полезно будет поэтому разъяснить то понятие, которое связывается у нее с этим словом, и распутать ту сеть недоразумений, которую соткал наш «новый» противник.

Ленин пишет: «Пугаясь уличных листков, пугаясь всего, что идет дальше цензовой конституции, гг. либералы всегда будут бояться лозунга: “демократическая республика” и призыва к вооруженному всенародному восстанию. Но сознательный пролетариат отвергнет с негодованием самую мысль о том, чтобы мы могли отказаться от этого лозунга и от этого призыва, чтобы мы могли вообще руководиться в своей деятельности паникой и страхом буржуазии».

Тут что ни слово, то самая изумительная и самая демагогическая путаница понятий.

Во-первых, пусть скажет нам Ленин, как относились «гг. либералы» ко всему тому, что идет дальше цензовой конституции, в то время, когда он писал свою брошюру «Что делать?» *Пугались* ли они «всего» этого? Если он ответит: «нет», — то я спрошу его, почему же теперь так радикально изменилась их природа? Если он ответит: «да», — то я покорнейше попрошу его объяснить мне, почему же он, *несмотря на это*, считал тогда нужным диктовать им «положительную программу действий».

Во-вторых, разве в письме редакции «Искры» речь идет об отказе от лозунга «демократическая республика» и от призыва к вооруженному восстанию? Пусть Ленин потрудится указать мне то место письма, в котором он вычитал это. Он не укажет такого места потому, что *его нет и быть не могло*. Редакция «Искры» говорила *нечто, прямо противоположное*. Она говорила вот что: «Революционный социалистический пролетариат должен на-помнить оппозиционной либеральной буржуазии, вступающей в борьбу с царизмом, о том, что положение дел у нас теперь уже не похоже на то прежнее, печальное и постыдное, положение, когда народ оставался равнодушным ко всем освободительным стремлениям интеллигенции, — как-то с горечью констатировал в свое время Чернышевский⁸ в “Письмах без адреса”, — и когда одних дворников достаточно было бы для того, чтобы “покорить

под ноzi” всех восставших врагов абсолютизма; он должен напомнить либеральной буржуазии, что в его собственном лице на нашу историческую сцену выступила новая и как нельзя более “народная” сила, умеющая ценить значение политической свободы, способная крепко постоять за эту свободу и готовая бороться за нее, в случае надобности, даже путем вооруженного восстания; наконец, он должен напомнить либеральной буржуазии, что она вполне может рассчитывать на его энергичную поддержку, если только она не занесет в свою политическую программу политической измены демократии, если только она не выступит *против политических требований сознательных рабочих*». Вот что говорила «новая» редакция «Искры». Имеет ли это хоть какое-нибудь, хотя бы самое малейшее, хотя бы самое отдаленное сходство с тем, что приписывает ей Ленин?

Мы вообще не можем руководствоваться в своей деятельности паникой и страхом буржуазии. Ну еще бы! Конечно, нет! Это — аксиома. Но такую же аксиому представляет собою и та мысль, что мы в своей деятельности должны руководиться тем соображением, что мы не должны без надобности пугать тех, которые в данное время могут быть полезны нам. Если эту аксиому до сих пор оспаривают анархисты, то все «сознательные» социал-демократы давно уже, надеюсь, перестали сомневаться в ней.

Кстати, о панике. Недавние тамбовские события способны, пожалуй, навести некоторых противников абсолютизма на ту мысль, что правы «Московские ведомости», грозящие либералам все-народным восстанием *против* конституционализма. Я спрашиваю, есть ли на свете хоть один такой лоб, который не понимал бы, что для дела политической свободы в России была бы чрезвычайно вредна «паника», вызываемая такою мыслью, и что наша обязанность заключается в том, чтобы воочию, на деле, путем рабочих демонстраций, показать либеральной буржуазии, что «Московские ведомости» клеветают на «народ», что рабочий класс готов восстать *не для поддержки царизма, а для борьбы с ним*? А ведь редакция «Искры» в своем письме имела в виду, между прочим, и *такую панику*.

То правда, что она имела в виду не *только такую «панику»*, то правда, что она вообще считала и считает вредной ту тактику, которая стремилась бы сообщить буржуазии убеждение в том, что в предстоящей нам теперь революции речь пойдет не о свержении

нашего «старого порядка», а о торжестве *социализма*. Но разве *старая* редакция «Искры» когда-нибудь одобряла подобную тактику? Разве она не считала ее противоречащей всему духу современного социализма? Вот что писал я, член *старой* редакции «Искры», — в той самой книжке «Зари», в которой Ленин воевал с «предисловием г. Струве».

«С точки зрения современного научного социализма всякие толки о *социалистическом перевороте*, как о *ближайшей цели* революционного движения в России, представляются вполне и безусловно неосновательными. Ближайшей целью революционного движения является *низвержение абсолютизма*, которое, обеспечив русскому пролетариату политические права и политическую свободу, даст ему широкую возможность расти и зреть, развиваться и организовываться для *социалистической революции*. *Торжество социализма* не может совпасть с *падением абсолютизма*. Эти два момента по необходимости будут отделены один от другого значительным промежутком времени. И именно потому, что они будут отделены один от другого во времени, *социал-демократы*, в своей непримиримой борьбе с абсолютизмом, могут, с полным правом и нимало не противореча себе, указывать всем, кому надлежит знать и понимать это, что *их интересы в настоящее время совпадают с интересами свободомыслящей части нашего общества*».

Если бы в то время, когда я писал это, — в 1901 году, — кто-нибудь из наших товарищей оказал, что момент социалистического переворота совпадет у нас с моментом падения абсолютизма, то *старая* редакция «Искры» сочла бы себя обязанной оспаривать эту мысль, *во-первых*, потому, что она *вообще неправильна* с точки зрения научного социализма, а *во-вторых*, — потому, что ее высказывание было бы *вредно в практическом отношении*, так как могло бы вызвать невыгодные для нас опасения в рядах либеральной буржуазии. Словом, наша *старая* коллегия объявила бы эту мысль *вредной*, между прочим, и потому, что она могла бы до известной степени запугать либералов. И в то время нашу редакционную коллегия стали бы осуждать за это разве лишь «социалисты-революционеры», которые тем настойчивее обещают нам *социалистический* переворот, чем более души их проникаются *мелкобуржуазными* стремлениями. *Теперь* за это отрицательное отношение к ненужному запугиванию нас осуждает

«ортодоксальный» и «радикальный» Ленин. Как далеко ушли мы по пути развития нашей политической мысли!

Увлеченный желанием атаковать *новую* редакцию «Искры», Ленин, как видно, совсем позабыл то, «что должен знать и помнить» каждый сознательный социал-демократ, т. е. то, что тактика запугивания есть *тактика анархическая по преимуществу*. Анархическая тактика состоит в том, чтобы в каждый данный момент произвести как можно больше шума, крику, страху, смятения и бестолковщины. Западный пролетариат давно уже прекрасно знает, как много вредит его освободительному движению эта нелепая тактика.

Пора знать это и русским рабочим. Если бы люди, принадлежащие к так называемому «обществу» и собирающиеся вместе для того, чтобы так или иначе протестовать против абсолютизма, приписали нам анархическую тактику, то каждое появление наше в их среде, или хотя бы только поблизости от них, могло бы только пугать их, потому что мало ли какую штуку способны отмочить гг. анархисты! Нам следует *напомнить им о том, что мы не анархисты* и что мы сами осуждаем анархическую тактику. Этого требуют очевидные интересы нашего дела. Но ведь напомнить им об этом и значит принять меры к тому, чтобы не запутать «либералов».

Что же тут дурного? И почему Ленин так *запуган* нашим нежеланием запугивать?

«Мы были бы глупцами, — восклицает Ленин, — если бы соображались с их (либералов. — Г. П.) паникой». Да. Мы были бы глупцами, если бы соображались с нею. Но мы соображаемся не с нею, а с интересами рабочего движения. И мы были бы трижды глупцами, если бы, взявшись представлять эти интересы, мы не сумели понять, что держаться тактики запугивания — значит поддерживать не тех, которые *борются* с царизмом, а тех, которые его *защищают*.

Ленин думает, что только «нововременцы» могут задумываться о том, как бы не сыграть в руку реакции. Если бы он не был ослеплен своим желанием во что бы то ни стало уличить в оппортунизме *новую* редакцию «Искры», то он сообразил бы, что задумываться об этом обязан всякий вышедший из детского возраста сторонник политической свободы.

Основатели научного социализма прекрасно понимали вредное значение запугиваний. В полемике с Ткачевым⁹ Энгельс писал

(в половине семидесятых годов), что в России находятся налицо все условия революции, и прибавлял: «Отдалить ее могут лишь два события: удачная война против Турции или Австрии, — но для этого нужны деньги и прочные союзы, — или преждевременная попытка восстания, которая снова загонит имущие классы в объятия правительства»*. Энгельс решительно осудил бы такую преждевременную попытку именно потому, что она запугала бы имущие классы, т. е. именно потому, что она сыграла бы в руку реакции. Пора, давно пора объявить оппортунистом «ново-временца» Энгельса и отдать его под надзор «ортодоксального» и «радикального» Бонч-Бруевича, этого неизменного alter ego *нового* Ленина!

Те мысли, которые *новая* редакция «Искры» высказала в своем письме, до такой степени неоспоримо правильны, что сам Ленин, поющий, вопиющий и глаголющий об ее оппортунизме, вынужден признать их «самоочевидными». «Неразумно было бы игнорировать этого союзника (т. е. либеральную буржуазию. — Г. П.), — говорит он, — нелепо было бы ставить себе целью устрашать и пугать его; все это до такой степени самоочевидно, что странно и толковать об этом. Но центральным фокусом и руководящей нитью нашей агитации должно быть, повторяю, не воздействие на этого союзника, а подготовка решительной битвы с врагом». Но если это «самоочевидно», то «о чем гремят витии»? Если это «самоочевидно», то с какой стати Ленин кричит о нашем оппортунизме? Не «самоочевидно» ли, что весь его шум и крик совершенно лишен всякого разумного смысла?

Впрочем, нет, погодите. Ленин шумит и кричит потому, что в письме *новой* редакции «Искры» эти «самоочевидные» истины не сопровождаются следующими, например, положениями, «самоочевидность» которых Ленин «самоочевидно» считает еще не совсем «самоочевидною»: «Мы должны соображаться с состоянием своих сил (Вот оно что! А нам-то и невдомек, что мы должны с ним считаться! Мы впервые услышали это от Ленина. — Г. П.), с ростом народного возбуждения и возмущения (*Новая истина обновленного* Ленина! — Г. П.), с моментом, когда прямой натиск пролетариата на самодержавие примкнет к одному из стихийных и стихийно растущих движений». Тэ-эк-с! Правильно изволите

* См. брошюру «Ф. Энгельс о России», Женева 1894 г., стр. 19.

говорить, почтеннейший! Но жаль только, что сами-то вы плохо «соображаетесь». Вы говорите:

«Заигрывая с земством, делая ничтожные уступки земству, правительство ведь ровно ничего не уступило фактически народу; правительство еще вполне и вполне может вернуться к реакции (вернее, продолжить реакцию), как бывало на Руси десятки и сотни раз после мимолетных либеральных веяний того или иного самодержца».

Это верно. Но именно потому, что правительство может вернуться к реакции, не сделав серьезных уступок «не только народу», но даже и самому земству, мы не без основания можем надеяться на то, что нам удастся толкнуть на более решительную борьбу с самодержавием, между прочим, и земцев. Именно поэтому мы и должны постараться продиктовать, — как говаривал *старый* Ленин, — недовольным земцам «положительную программу действий».

Новый Ленин продолжает: «Именно в такой момент заигрывания с земством, отвода глаз народу, убаюкивания его пустыми словечками, надо особенно остерегаться лисьего хвоста, особенно настойчиво напоминать, что враг еще не сломан, особенно энергично звать к продолжению и удешевлению борьбы с врагом».

Опять верно! Именно в настоящий момент надо особенно остерегаться лисьего хвоста царского правительства и напоминать всем, что враг еще не сломан.

Но что же говорит *новая* редакция «Искры»? То, что сознательный пролетариат, диктуя, — согласно совету *старого* Ленина, — недовольным земцам «положительную программу действий», должен напоминать им, что указанный хвост принадлежит именно лисице, а не какому-нибудь другому, менее хищному, зверю, и приглашать их принять участие в облаве на этого хитрого и вредного зверя.

Новый Ленин находит, что именно в настоящий момент преступно переносить центр тяжести с обращения к правительству на обращение к земству. Тут уже я не скажу: «верно!», потому что тут — или умышленная путаница, достойная самого пушистого лисьего хвоста, или невольное «недоумение», простительное только *зеленому гимназисту*, как выразился Энгельс в полемике с Ткачевым. *Обращение обращению* — рознь. К правительству мы «обращаемся», стараясь повалить его, а к обществу мы «обращаемся», стараясь побудить его к более энергичной борьбе

с правительством и... и, — как выражался *старый* Ленин, — продиктовать ему «положительную программу действий». Ларчик открывается, как видите, совсем просто.

Товарищи, нападающие на новую редакцию «Искры» за ее письмо, мнят себя *крайними революционерами*, а между тем та тактика, которую они рекомендуют, была бы вредна с точки зрения пролетариата, т. е., стало быть, с *точки зрения революции*. Они идут в одну комнату, а попадают в другую. Такую ошибку постоянно повторяли когда-то *народники*; но она совершенно непозволительна *социал-демократам*.

А что такую ошибку делают товарищи, нападающие на письмо «Искры», это станет ясно для них самих, если они дадут себе небольшой труд в продолжение нескольких минут подумать над спорным вопросом.

В самом деле: товарищи, осуждающие нас, согласны с нами в том, что России предстоит теперь пережить не *пролетарскую, а буржуазную революцию*. Но между тем как мы советуем *пролетариату*, — которому суждено играть главную роль в этой буржуазной революции, — своевременно позаботиться о том, чтобы в начинающейся борьбе приняли участие все те *буржуазные элементы*, которые только могут участвовать в ней, — наши мнимо-радикальные товарищи хотят, чтобы *буржуазная* революция совершена была силами одного *пролетариата*. Нечего сказать, хорош радикализм! Если бы пролетариат послушался «радикальных» советов, даваемых ему этими нашими товарищами, то нашим восхищенным очам, может быть, в самом скором времени пришлось бы наслаждаться следующим отрадным зрелищем: революционный *пролетариат*, не щадя живота своего, ведет борьбу с *абсолютизмом*, предоставляя «половинчатой» *буржуазии*, — в наказание за ее «половинчатость», — спокойно сидеть сложа руки; а когда абсолютизм падает, этот самый пролетариат отходит на задний план, — потому что совершенная им революция имеет *буржуазный, а не социалистический* характер, — предоставляя «половинчатой» буржуазии *целиком* пользоваться плодами совершенной им революции. Какой замечательный радикализм! И как не сказать о людях, одержимых им, что они стремятся «радикально» *работать на пользу «половинчатой» буржуазии*.

Разница между нами и товарищами, нас осуждающими, сводится вот к чему:

Мы, — «оппортунисты», — хотели бы хоть отчасти свалить тяжесть предстоящей политической борьбы с плеч пролетариата на плечи буржуазии.

Они, — «радикалы», — хотят, чтобы эта тяжесть целиком легла на спину пролетариата.

Разница тут большая, но она не в пользу *мнимых «радикалов»*.

Маркс говорил когда-то, что буржуазия признает за пролетариатом одно право: *право на узурпацию борьбы с абсолютизмом*. Но то право, которое в конце сороковых годов *«признавалось» за пролетариатом буржуазией*, это самое право *навязывается теперь пролетариату* его бессознательными друзьями. Мы решительно отклоняем от себя всякую претензию на «радикализм» этих бессознательных друзей.

Если бы такой «радикализм» был обнаружен каким-нибудь заматерелым экономистом, то это было бы естественно: экономисты не понимали *политических* задач нашей партии. Но что такой же «радикализм» обнаруживает *новый Ленин*, тем самым впадая в непримиримое противоречие со *старым Лениным*, автором брошюры «Что делать?», это — загадка, разгадать которую можно лишь с помощью одной из двух следующих гипотез.

Первая гипотеза. Ленин увидел, что даже в его собственном лагере те старые обвинения в оппортунизме, которые он прежде посылал по адресу *новой* редакции «Искры» единственно на основании своих организационных разногласий с нею, порядочно уже приелись и перестали производить надлежащее впечатление. Поэтому он решил подкрепить их каким-нибудь *«принципиальным»* разногласием и придумал тактическое разногласие по поводу земской кампании.

Я думаю, что эта гипотеза далеко не лишена основания, и думаю так вот почему. Вскоре после выхода листовки Ленина я встретился с одним из товарищей, принадлежащих к «твердокаменным», и заговорил с ним о нашем партийном нестроении, обвиняя в нем, главным образом, политическую неразвитость его единомышленников, не желающих уступить совершенно естественным и законным требованиям своих товарищей. «Хорошо, — возразил мне мой собеседник, — допустим, что наши организационные требования неосновательны; но вот теперь обнаружили также и тактические разногласия». И надо было видеть, с каким удовольствием констатировал он «обнаружение» этих новых разногласий! Видно было,

что, благодаря этому неожиданному «обнаружению», у него гора с плеч свалилась. Я тогда же подумал, что мой собеседник недолго остался бы «твердокаменным», если бы Ленин не догадался обвинить «новую» редакцию «Искры» в тактическом оппортунизме. И мне сдается, что психология этого товарища не была исключительным явлением между «твердокаменными».

Вторая гипотеза состоит вот в чем. *Новый* Ленин в сущности не так расходится со *старым*, как это может показаться на первый взгляд. Известно, что *старый* Ленин никогда не смотрел на пролетариат глазами марксиста. Его пресловутое положение, гласящее, что предоставленный самому себе пролетариат никогда не пошел бы дальше трэд-юнионизма, было, — с точки зрения Маркса, — настоящим пасквилом на рабочий класс. Такой взгляд можно было отчасти извинить лишь с помощью того соображения, что Ленин еще *не успел* усвоить себе, во всей ее полноте, Марксову теорию. Чтобы вы не подумали, товарищи, что я преувеличиваю, я прошу вас вдуматься в смысл следующих строк:

«Таких людей (профессиональных революционеров, от души возненавидевших буржуазный порядок и повернувшихся к нему спиной. — Г. П.), таких людей немного, но зато они драгоценны, разумеется, только тогда, когда, возненавидев общеполитическое стремление к господству, задушили в себе последние остатки личного честолюбия; в таком случае, повторяю я, они действительно драгоценны. Народ дает им жизнь, элементарную силу и почву; но взамен они приносят ему положительные знания и привычку отвлечения и разобщения и умение организовываться и создавать союзы, которые в свою очередь создадут ту сознательную боевую силу, без которой немислима победа». Кто автор этих строк? Ленин? Нет, не Ленин. Откуда же видно, что не Ленин? Вот откуда: у Ленина вместо «народа» стоял бы «рабочий класс»; вместо «привычки отвлечения и разобщения» стояло бы «социалистическое сознание»; у Ленина марксистская терминология. Но что касается собственно отношения профессиональных революционеров к массе, то старый Ленин отнюдь не расходился в его понимании с автором только что приведенных мною строк. Об этом авторе Маркс сказал, что у него профессиональный революционер является тем святым духом, который один только и способен сообщить революционную жизнь мертвой массе. Совершенно таким же святым духом, оживляющим мертвую массу пролетариев, являются

профессиональные революционеры в концепции Ленина. И совершенно так же, как у автора только что приведенных мною строк, у Ленина профессиональные революционеры создают «союзы», по своему усмотрению распоряжающиеся судьбою всего рабочего движения. Неудивительно поэтому, что и тот «план» Ленина, согласно которому должны создаваться «союзы» профессиональных революционеров, как две капли воды похож на тот «план», который, — за тридцать лет до появления ленинского «Письма к товарищу», — был придуман и осуществлен автором интересующих нас строк. Но кто же был этот автор, предвосхитивший взгляд и план «ортодоксального» и «радикального» марксиста Ленина? Это был радикальный и ортодоксальный анархист М. Бакунин¹⁰, автор книги «Государственность и анархия», на 7-й странице которой находится приведенное мною место об отношении профессиональных революционеров к массе. А «твердокаменный» союз, организованный Бакуниным, в духе ленинского «Письма к товарищу», за тридцать лет до появления этого письма, был тот «Всемирный Союз Социальной Демократии» (даже и социальная демократия, как видите, не была забыта! — Г. П.), с которым Марксу пришлось вести такую жестокую борьбу в недрах Интернационала. Вот так штука!*

Мыслящий по-бакунински, «ортодоксальный» и «радикальный» марксист Ленин энергично отстаивал ту мысль, что члены «союзов» профессиональных революционеров должны влиять на «все классы» общества (у Бакунина они тоже должны были стремиться к такому влиянию). Но политический кругозор мыслящего по-бакунински «ортодоксального» и «радикального» марксиста Ленина всегда ограничивался узкими пределами крошечных «союзов» профессиональных революционеров. На точку зрения *рабочего класса* Ленин был так же мало способен встать, как и Бакунин. Поэтому, когда наша история поставила перед этим классом серьезную политическую задачу, Ленин оказался неспособным решить ее и, благодаря этой неспособности, пустился

* Этот «союз» целиком был основан на принципе «централизации руководства» и «децентрализации ответственности». Но вообще надо признать, что, как создание «интеллигентного» заговорщика, «план» Бакунина был несравненно грандиознее ленинского плана. Хоть Бакунин и был одним из отцов анархической церкви, а надо отдать ему эту справедливость. Беспристрастие — прежде всего!

обвинять в оппортунизме тех людей, которые решали эту задачу в духе научного социализма.

Такова мол вторая гипотеза. Если вы скажете, что в ней так же мало лестного для Ленина, как и в первой, то я возражу вам, что виноват в этом не я, а сам Ленин со своими недодуманными теориями, заговорщицкими планами и ни на чем не основанными обвинениями. А если вы спросите, какой же из этих двух гипотез придерживаюсь я сам, то я отвечу: *и той, и другой*.

Я думаю, что *бестактное* нападение Ленина на новую редакцию «Искры» по вопросу о *тактике* объясняется, *во-первых*, тем, что ему, в его нынешнем неприятном и затруднительном положении, как говорится, до зарезу нужно было придумать какое-нибудь «принципиальное» разногласие с нею; а *во-вторых*, *еще и тем*, что и в то доброе старое время, когда он сам принадлежал к редакции «Искры» и когда он так настоятельно советовал нам («тот не социал-демократ и т. д.») ходить во все классы общества и диктовать недовольным земцам положительную программу действий, он и это хождение, и эту диктовку представлял себе узко, однобоко, утопично, т. е. по-бакунински, т. е. как ряд более или менее «конспиративных» предприятий отдельных, — хотя и строго подчиненных центральному «кулаку», — профессиональных революционеров. По этой причине он и стал говорить сугубые пустяки, когда история выдвинула перед нами вопрос о том, каким именно образом не тот или другой отдельный конспиратор, а весь сознательный пролетариат России должен и может *«идти рядом»* с либеральной буржуазией, выступающей против абсолютной монархии. Эти сугубые пустяки неизбежно должны были прийти в не совсем сознательную голову Ленина; но неизбежность этих сугубых пустяков нисколько не помешала и нисколько не могла помешать ему использовать их для своей демагогической агитации против *новой* редакции «Искры». Напротив, он схватился за них, как утопающий хватается за соломинку, и в этом случае соломинка, — вопреки общему правилу, — оказалась бесполезной для утопающего. Таким образом, предлагаемые мною две гипотезы не только не исключают, а дополняют и подкрепляют одна другую.

Но если Ленин оказался теперь в таком положении, что для него очень выгодна неясность его собственной политической мысли, то *наше* положение совершенно иное. Наша обязанность заключается не в том, чтобы вносить смуту в умы интеллигенции и сеять

раздоры внутри основываемых ею «союзов», а в том, чтобы всеми зависящими от нас средствами освещать тот путь, на который теперь непременно должны выступить все сознательные российские рабочие и который в общих чертах был указан революционному пролетариату всех стран еще *Марксом и Энгельсом*. И эту обязанность мы сумеем исполнить, несмотря на все нелепые обвинения и заподозривания. Забывать о ней теперь значит, — в полном смысле этого энергичного выражения, — *позорить гражданина сан!*

Крепко жму руку.
Ваш *Г. Плеханов*

Ответ тов. Лядову¹

Почтеннейший товарищ! Мой ответ Вам будет краток.

Прежде всего я поставлю Вам на вид, что Ваше письмо написано странным и, — при данных обстоятельствах очень смешным, — тоном того *допроса*, который в Вашей старой юридической практике назывался *допросом с пристрастием*. Я решительно не знаю, что дает Вам право говорить со мной таким тоном. Неужели те два обстоятельства, что Вы — член партии и что Вы голосовали за меня на втором съезде? Но подумайте немного, — если только Ваше очевидное раздражение не совсем лишило Вас склонности к размышлению, — и Вы сами поймете, что этих обстоятельств еще недостаточно для того, чтобы позволить Вам *допрашивать* меня так, как Вы вздумали допрашивать.

Когда в Российской Социал-Демократической Рабочей Партии восторжествует, — если восторжествует, — та политика, которую я называю политикой *мертвой петли, туго затягиваемой на ее шее*, тогда Ваш странный и смешной тон, — считающийся теперь *устарелым* даже в российских правительственных канцеляриях, — может быть, и станет общепринятым в сношениях членов партии с ее литераторами, которые к тому времени будут, вероятно, переименованы в «партийных сочинителей». Но это мне все равно, потому что тогда я, конечно, уже не останусь ни в редакции, ни в партии.